

Революция и дипломатия. Вопрос об официальном признании русского правительства

Эррико Малатеста

2 сентября 1920

Социалисты требуют официального признания большевистского русского правительства со стороны итальянского правительства – правительства, разумеется, монархическо-буржуазного, возглавляемого ныне почтенным Джолитти.

Они заявили об этом прямо и на Болонском конгрессе, где было установлено представительство различных политических и экономических организаций антикапиталистической направленности, чтобы сотрудничать в целях навязывания итальянскому правительству – помимо освобождения всех политических и военных заключённых – также уважения свободы русского народа.

Анархисты, естественно, сделают всё возможное в поддержку русской революции, даже если она развивается не так, как они хотели бы, но они, разумеется, не пожелают присоединиться к требованию, которое противоречит их антиправительственной программе и противоречит интересам русской революции, даже если оно вдохновлено большевистским, то есть диктаторским, духом.

У нас есть свои программные основания не признавать ни русское правительство, ни итальянское, и мы были бы равнодушны к тому, признают они друг друга или нет, если бы не видели в их взаимном признании определённой опасности и вреда для революции.

Но оправдано ли требование социалистов – в интересах русского революционного режима – о его признании со стороны итальянского правительства?

Нам кажется, что нет. Нам кажется даже, что если русское правительство желает этого признания, то лишь потому, что оно готовится перестать быть революционным и вернуться в игру обычных правительств, – а если итальянские социалисты поддерживают это его желание, то потому, что их авторитарная и государственническая ментальность заглушает их революционный дух и скрывает от них истинные интересы революции.

Россия – даже большевистская, даже диктаторская, Россия в революции, Россия в борьбе против всех правительств мира, Россия, которая для своего спасения нужда-

ется в том, чтобы революция вспыхнула в других странах, – всегда остаётся маяком, надеждой, постоянным внушением для мирового пролетариата. Поэтому все правительства хотели бы её раздавить; но поэтому же они не могут этого добиться. Пока длится борьба между русским правительством и буржуазными правительствами, бесчисленная масса русских будет защищаться от иностранного вторжения, а пролетариат вторгнувшихся стран, даже если он и не действует с желаемой энергией, всегда будет открытой или скрытой угрозой, которая мешает буржуазным правительствам рискнуть тотальной войной.

Русское правительство, вступающее в официальные отношения с буржуазными правительствами и вступающее в дипломатические переговоры об обмене концессиями, означает сломленный революционный порыв, открытый путь к реставрации – если не старого режима, то режима, способного сосуществовать с капиталистическими правительствами.

Если итальянское правительство признаёт русское правительство, то это последнее неизбежно должно будет признать его и больше не сможет подрывать существование «дружественного» правительства.

Скажут, что русское правительство признало бы буржуазное правительство лишь вынужденное необходимостью, но в душе осталось бы его врагом и продолжало бы желать, чтобы революция вспыхнула и распространилась повсюду. Иными словами, что признание русским правительством буржуазного правительства было бы лишь лицемерием и ложью. Возможно; но признание русских со стороны итальянского правительства не было бы более искренним, и всё сводилось бы к непрерывному усилию обманывать друг друга. В этой игре мы, к сожалению, опасаемся, что победят буржуа, ибо когда все правительства применяют в основе одинаковое оружие, Чичерины и компании – не то что наивны, как наши Джолитти, но, вероятно, также менее хитры и менее способны лгать и обманывать.

По нашему мнению, если бы буржуазные правительства вместо того, чтобы руководствоваться низменными интересами узких милитаристских и капиталистических каст, обладали пониманием ситуации и имели в виду общие и долговременные интересы буржуазного режима, они сами уже давно попытались бы убить русскую революцию тем средством, которое теперь призывают социалисты, чтобы её спасти: они немедленно официально признали бы любое революционное правительство, которое образовалось бы в России.

Вместо того чтобы посылать в Россию пытаться организовать реакцию таких грубиянов, как Колчак или Деникин, или компрометировать тех несчастных русских полицейских теми средствами, которые укрепили большевистский режим, оказавшийся благодаря их же усилиям единственным, способным спасти страну, – они послали бы дипломатов... это могли бы быть даже социалисты, перешедшие на их сторону. И эти последние предложили бы свободу торговли, присылку техники, поставку в долгосрочный кредит или даже безвозмездно машин, медикаментов, материалов и научного и преподавательского персонала, содействие инженеров, врачей, организаторов и т. д. – и всё это, естественно, в обмен на концессии и гарантии, которые, несомненно, несли бы в себе зародыш смерти и сделали бы неизбежным восстановление капиталистической системы.

И это произойдёт сегодня, если между революционной Россией и буржуазными правительствами будет заключён официальный мир и на смену отношениям враждебности и взаимных угроз придут дипломатические отношения, направленные на поиск способа сосуществования и сотрудничества.

Социалисты учат реакцию – которая, к счастью, слепа и глупа – тому, что ей следовало бы делать.

Буржуазные правительства послали бы в качестве послов в Россию агентов, наиболее способных обмануть русских, то есть ренегатов-социалистов или инженеров... в сопровождении какого-нибудь техника дипломатии, который работал бы исподтишка. А русские, в надежде получить больше, послали бы к буржуазным правительствам людей, которые могли бы быть лучше приняты, то есть самых умеренных, самых сговорчивых, тех, у кого в глубине души больше заботы о порядке, чем о революции. И как на войне они часто вынуждены пользоваться царскими генералами, так и в дипломатии им пришлось бы прибегнуть к техникам старой дипломатии.

Тогда возобновились бы тайные соглашения; возобновились бы долги старого режима, были бы предложены гарантии, были бы предоставлены иностранным капиталистическим обществам горные, железнодорожные и иные концессии, были бы оговорены льготные условия для тех, кто обещал бы больше, – стали бы стремиться сделать возможным сосуществование коммунистической системы с капиталистической и в конце концов убили бы революцию.

Если бы всё это показалось слишком сильным для людей, стоящих сейчас у власти, то Ленин и его товарищи либо добровольно удалились бы, чтобы сделать возможными соглашения, либо были бы изгнаны и заменены людьми, которым поручено похоронить революцию – добром или силой... всегда в интересах хозяина и его престижа. И операция была бы лёгкой, поскольку нынешние диктаторы подавили все революционные элементы и оставили трудящихся в пассивном повиновении.

Но Россия под угрозой и в опасности: ей нужно помочь.

Согласен. Но если итальянский пролетариат, партии и антиреволюционные организации, организации всех направлений могут иметь силу навязать правительству признание, которое стало бы ещё одной уздой для революции, – они имели бы силу также помешать итальянскому правительству помогать реакционерам всех стран и позволять им плести заговоры против русской революции, оставляя им полную свободу организовываться и действовать. Не вынуждая русских *признавать*, чтобы быть *признанными*.

Лучший способ помочь русской революции всегда остаётся тем же: угрожать революцией и делать революцию в других странах.

Мы в Италии: мы должны добиться того, чтобы у итальянского правительства было слишком много опасностей внутри страны, чтобы оно задумалось, перед тем как отправиться искать неприятностей за границей.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Революция и дипломатия. Вопрос об официальном признании русского
правительства
2 сентября 1920

Umanità Nova №160

ru.anarchistlibraries.net